

ПОЛОНИЗМЫ В РОМАНЕ И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА
«ВНУЧКА ПАНЦИРНОГО БОЯРИНА»**Н.А. Николина, А.А. Уразбекова**

Аннотация. В статье анализируются полонизмы, употребленные в романе И.И. Лажечникова «Внучка панцирного боярина», рассматриваются изменения их лексического значения и способы ввода в текст: без толкования, с неполным (частичным) объяснением, с приведением русского эквивалента в узком или более широком контексте; автор прибегает как к развернутым вкраплениям из польского языка, так и к одиночным включениям. Заимствования из польского языка служат национальной маркировкой героев и зачастую используются писателями в романах, описывающих запутанные отношения нашей страны и Польши в разные временные отрезки. Русский язык в меньшей степени заимствует непосредственно полонизмы, чаще через польский в русский язык приходят лексемы третьих европейских языков. Полонизмы в романе выполняют характерологическую и оценочную функции: они описывают исторический колорит, демонстрируют многообразие языковой игры, позволяют давать эстетико-идеологическую оценку героям и событиям, выступают в роли закодированных элементов. Среди заимствований из польского языка присутствует как апеллятивная, так и ономастическая, прецедентная лексика.

Ключевые слова: полонизм, заимствование, иноязычные слова, польский язык, русский язык, языковые контакты, И.И. Лажечников.

407

POLONISMS IN I.I. LAZHECHNIKOV'S NOVEL
"GRANDDAUGHTER OF AN ARMORED BOYAR"**N.A. Nikolina, A.A. Urazbekova**

Abstract. The article analyzes polonisms used in the I.I. Lazhechnikov's novel "Granddaughter of an armored boyar", it considers changes in polonisms' lexical meaning and the ways they enter into the text: without interpretation, with incomplete (partial) explanation, with Russian equivalent in a narrow or

© Николина Н.А., Уразбекова А.А., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

wider context; the author uses both expanded inclusions from Polish language and single inclusions. Borrowings from Polish language serve as national marking of heroes and they are often used by writers in novels describing the complicated relations of our country and Poland in different time periods. Russian language in a lesser extent borrows polonisms, more often through Polish to Russian language come lexemes from the third European languages. In the novel polonisms perform character and evaluative functions: they describe the historical colouring, demonstrate the diversity of language game, allow to give an aesthetic and ideological assessment of characters and events, act as coded elements. Among the borrowings from Polish language there are both appellative and onomastic, precedent vocabulary.

Keywords: *polonism, borrowing, foreign words, Polish language, Russian language, language contacts, I.I. Lazhechnikov.*

Иван Иванович Лажечников по праву считается, наряду с М.Н. Загоскиным и Н.А. Полевым, одним из основоположников русского исторического романа. Его творчество было уже широко известно при жизни, а романы выдерживали много изданий. Самым известным его произведением, безусловно, является роман «Ледяной дом», а «Внучку панцирного боярина» русский литературный критик С.А. Венгеров назвал *lapsus calami* автора, который есть у каждого писателя: «Простим же и Лажечникову его “Внучку панцирного боярина”, писанную притом, однако же, в простоте душевной. В середине шестидесятых годов, под влиянием только что кончившегося польского восстания, почти во всем русском обществе господствовала узкая ненависть к полякам. Лажечников поддался ей, следовательно, забыл обязанность писателя стать выше предрассудков и слепых страстей — в этом его вина», — отмечает С.А. Венгеров [1, с. 103].

Полонизмы и их бессознательное порой употребление в текстах наибо-

лее характерны для русских писателей — выходцев из так называемых «Кресов». Тем интереснее исследовать употребление заимствований из польского языка в романах уроженца Центральной России И.И. Лажечникова (и других писателей, не связанных по происхождению с юго-западными границами Российской империи, например, Л.Н. Толстым, Н.С. Лесковым, А.П. Чеховым и др.).

В своем последнем романе Лажечников обратился к теме польского восстания 1863 года, причем с официально-охранительных позиций. В системе персонажей противопоставлены друг другу русские патриоты и польские мятежники, действия которых оцениваются автором резко отрицательно. В романе «Внучка панцирного боярина», соответственно, широко представлены заимствования из польского языка, которые далеко не всегда легко вычлениаются в тексте.

И.И. Огиенко писал: «Что же касается словъ, заимствованныхъ въ новое время, то ихъ иностранное происхождение обыкновенно чувству-

ется легко» [2, с. 11], однако данное утверждение не может быть применено к полонизмам, так как их славянское происхождение легко может сбить с толку специалиста широкого профиля, проверить происхождение слов можно только по этимологическим словарям или отдельным работам ученых-славистов¹.

Ряд лексем, употребленных в романе, функционирует как в русском, польском языках, так и в иных славянских, ср.: *быдло, вельможа, воевода, гроб, дуб, копье, купа, палить, постромка, ратуша, сермяга, чадо*. Одни лексические единицы были заимствованы непосредственно из польского языка, например, *довудца, пенензы, злоты, сейм, опека, отчизна, крик, кельнер, коханы, мувить*, а для других польский выступил в качестве языка-посредника, ср.: *привилегия, религия, почтмейстер, колония, гвалт, прелиминарный, кунтуш, гимн*. Ср. мнение на этот счет В.М. Тамань: «Русская лингвистическая наука прошлых лет изучение полонизмов также неразрывно связывает с общей проблемой заимствований из западноевропейских языков, т.к. усматривает основное значение Польши в том, что она была посредницей между Россией и Западом...» [3, с. 6].

Отнесение лексем к полонизмам проверялось по этимологическому словарю М.Фасмера [5]. Тем не менее отмечается и целый ряд лексем,

польское происхождение которых фиксирует только В. Витковский в «Новом словаре заимствований из польского языка в русский» [6]: *булла, вакационный, горелка, горший, интеллигенция, катехизис, медиатор, мешкать, молитвенник, мудрый, национальность, номинация, офицер, пароксизм, справа, тайный, треба, фанаберия, фольварк, хроника, чемарка, шафранный*. См. примеры контекстного употребления данной группы слов:

Мы уже узнали, из рассказа Ранеева Сурмину, неосторожный отзыв его о польской национальности в Белорусском крае, и как этот отзыв нагнал черную тучу на мирные, дружеские отношения, доселе никогда с обеих сторон ненарушаемые [1, с. 384].

Наша интеллигенция занимает все надежные посты, из-за которых бросает свои разрушительные снаряды [1 с. 400].

Письмо начиналось уверениями в горячей преданности польской справе и в дружбе к лицу, к которому было адресовано [1, с. 628].

Кроме того, среди используемых в тексте романа полонизмов встречаются и такие, которые словари М. Фасмера и В. Витковского не отмечают, однако их этимология фиксируется в работе Г.А. Крылова [7], например, лексема *куль*. Ср.:

Старик, который еще не так давно таскал со своими работника-

¹ Ср. мнение на этот счет В.М. Тамань и Г.П. Нещименко: «При изучении польско-русских языковых связей приходится учитывать всю сложность взаимодействия культур и языков славянских народов, поскольку заимствования в родственных языках мало заметны, их трудно выявить, чужие слова приспособляются к произносительным и грамматическим нормам заимствующего языка» [3, с. 7]; «Заимствования из близкородственных языков более органично входят в структуру принимающего языка, они как бы «растворяются» в нем, получая порой новое мотивационное «прочтение», с опорой на новые, благоприобретенные словопроизводственные взаимосвязи» [4, с. 122].

ми кули муки в амбар, едва держал дрожащими руками чашку чаю [1, с. 586].

Польские элементы в романе широко представлены прежде всего именами собственными, в первую очередь антропонимикомом. Это традиционные фамилии на -ski, -dzki, -ski, -owicz: Стабровский, Жвиржедовский, Пржшедиловский, Мерославский, Чарторижский, Замойский, Сераковский, Поддубравский, Дембинский, Машевский, Бршепшедецки, Людикович, Суздилевич (это как реальные фамилии исторических деятелей, так и вымышленные) имена: Владислав, Казимир, Едвиг, Елизабета; сакральные имена: Пан Иезус, Матка Божья. Ср.:

Один из так называемых графских номеров занимал Владислав Стабровский, хотя был в незначительном чине [1, с. 382].

Пили дружно за свободу отчизны, великих союзников, за Чарторижского, Мерославского, Сераковского, воеводу могилевского, хозяина, отсутствующих пулковников, был тот в честь польского знамени, водруженного на правом берегу Волги [1, с. 412].

– Клянитесь Паном Иезусом и Маткой Божьей на рукояти кинжала, расположенной крестом [1, с. 398].

Самыми распространенными по использованию в тексте романа после антропонимов являются топонимы, ассоциирующиеся с Польшей. Это Царство Польское, Королевство Польское, Польское Королевство, Польша; название региона — Западный край; астионимы — Варшава, Плоцк, Опатов; гидронимы — Висла; см., например:

Между словесными объяснениями он оттушевывал на карте карандашом своевольные границы Польши и таким образом несколькими штрихами графита завоевывал для нее у России не только Царство Польское, но и все губернии, отошедшие к нам с 1772 года [1, с. 458].

Польский колорит в романе связан также с функционированием обращений. Традиционным в русской художественной литературе показателем польского происхождения персонажа является употребляемые по отношению к нему обращения «пан», «пани», «панна», которые привлекают внимание к определенному социальному статусу адресата, а также передают вежливое обращение на «вы»: панове, паненька Елизабета, панна Шустерваген, панна N. N., паны добродзеи. Данное обращение нередко употребляется с отсылкой к занимаемой должности: пан ксендз, пан эконо, пан воевода, пан полковник, пан круль. В тексте романа встречается и традиционная для польского языка форма вокатива пане. Например:

Крепко прижимаю тебя к сердцу, пане пулковник, благословение мое над тобою, милый сынку [1, с. 387].

Давно уже готовили взрыв ксендзы своими проповедями, пани и паненки чарами своей красоты, магнаты своим золотом, зависть иностранных держав к возрастающей силе России [1, с. 448].

В тексте романа отражены и другие особенности польского этикета, например, использование формулы sałuję rączki, которое выступало как традиционное окончание письма от

мужчины к женщине. И.И. Лажечников отражает эту традицию в тексте романа², см., например:

Целую заочно тысячу раз твои ручки и ножки, пока не перецелую их в яве [1, с. 630].

В тексте наблюдается употребление лексем «пан» не только как обращение, но и в значении «господин, барин». См.:

– *Добрже, пане, и без вас знаем, — отвечал с сердцем слуга* [1, с. 394].

– *Остается нам узнать от вас, панове, — спросил Жвирждовский, — какие обязательства вы на себя принимаете?* [1, с. 409].

– *Добрже, пан* [1, с. 409].

Интересно мнение Н.Б. Мечковской, которая считает, что «любые похожие два слова разных языков при ближайшем рассмотрении оказываются нетождественными и по объему значений, и по месту в своей лексической подсистеме» [8, с. 51]. Так, если в польском языке *pan*, скорее, относится к мелиоративам [9], то в русском — к пейоративам. Ср.: «Панами на Русском Севере называли те шайки, которые в Смутное время огнем и мечом прошли по тамошним местам» [10, с. 267]. Н.В. Габдреева также разделяет эту точку зрения и полагает, что «в силу различной подвижности языков, т.е. изменений в лексических значениях, корреляции на определенном этапе становятся асимметричными: компоненты лексического значения совпадают лишь сегментарно (семы утрачиваются или возникают новые, развиваются переносные значения, про-

исходят различные модификации)» [11, с. 38].

Это в полной мере относится к также встречающемуся в романе слову «гонор», значение которого при заимствовании из польского языка была изначально неверно истолковано. Эта лексема в русском языке имеет ярко выраженные негативные коннотации, которые проистекают, по мнению С.М. Толстой [12], из полного непонимания русскими поступков поляков, предпринятыми из чести (гонора). Ср.:

Но гонор их еще не угас, в сундуках у некоторых хранятся еще панцири [1, с. 372].

В этом я ручаюсь вам гонором своим и головой [1, с. 408].

Одним из латентных признаков полонизма «может служить семантическая атрибуция, или принадлежность, слова к той или иной тематической группе, исторически сложившейся с участием того или иного языка» [11, с. 18]. В отношении заимствований из польского языка такой группой в романе можно считать сферу «Военное дело», наиболее широко представленную в романе следующими лексемами: *гвардия, гусар, довудца, жолнер, жонд, кавалер, латы, медиатор, офицер, палаш, панцирь, поручик, пулковник, пуля³, ротмистр, рыцарь, сабля, улан*. Ср.:

Позднее панцирные бояре составляли почетную стражу польских крулей, когда они выезжали на границы своих коронных земель. Встретить и проводить неяснейшего, вот в чем состояла вся их служ-

² Ср. мнение на этот счет Г.П. Нещименко: «Именно заимствования делают возможным аутентичное воспроизведение иного, не характерного для данного социума образа жизни с присущими ему специфическими реалиями» [Нещименко, 2002:122].

³ Подробнее об истории этого слова см. [13].

ба — не тяжелая и не опасная. ... Некоторые панцирные бояре получали в награду и шляхетство [1, с. 371].

Брат твой, бывший прапорщик в русской службе, утек из полка, и уж пулковник жонда [1, с. 387].

Воображаю, как он хорош был на коне, с палашом в руке, впереди эскадрона латников, когда они несутся на неприятеля, когда от топота лошадей ходит земля и стонет воздух от звука орудий [1, с. 436].

Другая группа заимствований, регулярно используемых в романе, — конфессиональная лексика:

В таком бедственно положении она решила было утопиться, но ее избавил от купанья и его горших последствий пан эконом господского фольварка, жадно заглядывавшийся на нее в приходском костеле, как на будущую лакомую добычу [1, с. 380].

Воспитанная и опекаемая ксендзами, она не любила ничего, что носило имя русское; но как родственник этот был превосходительный, то следуя правилам тайного польского катехизиса... [1, с. 383].

— Атеп, братья во Христе и святейшем отце нашем, папе, — слышался медоточивый голос ксендза Б. [1, с. 397].

— Да воссядет на бискупскую кафедру в польском крулевстве! [1, с. 406].

— Я также собираю здесь офяры и обязан доставлять вам их лично, как мы условились, — отозвался другой [1, с. 409].

Функции полонизмов, используемых в романе, разнообразны. «Вплетенные» в ткань литературного произведения полонизмы... выполняют

одновременно ряд художественных функций: информативную, экспрессивную, стилистическую. Воссоздавая определенный локальный колорит, “пространственно” и “хронологически” маркируя сообщаемое, характеризуя речь тех или иных персонажей, придавая ей не только достоверность, но и выразительность, эти иноязычные элементы одновременно являются компонентом языковой материи произведения и тем самым составной частью его поэтики» [14, с. 15].

При вводе полонизмов в текст И.И. Лажечников в отличие от других авторов не использовал описательного перевода или включения заимствований из польского языка в русский синонимический ряд, однако широко использовал инкрустации. Языковая эрудиция автора позволяла ему использовать лексемы в графической системе оригинала. См.:

И в этот день читал он молитвы по засаленному молитвеннику: «Krótkie zebranie różnego nabożeństwa». По временам слышалось за перегородкой: «Boże, bądź miłościw mnie grzesznemu człowiekowi» [1, с. 390].

Сверху была надпись: «Za niepodległość ojczyzny», а над ней Пресвятая Дева в сопровождении папы, благословляющие коленопреклоненных перед ними воинов в старопольском вооружении [1, с. 413].

Данные вкрапления ни в коем случае не обусловлены лакунарностью обозначаемых ими понятий или компонентов значения, у автора была возможность подобрать полноценный русский эквивалент, но он предполагал образованность своего читателя и не давал переводов на русский язык

или пояснений польских фраз. Кавычками или курсивом, нередко являющимися сигналом чужеродности языкового элемента при первом его употреблении в тексте, писатель также не пользовался.

Полонизмы в романе служат средством маркированности польского происхождения части персонажей, они одновременно выполняют важную для автора эстетико-идеологическую функцию, передают локальный колорит; ср. отсылки к ряду польских идеонимов:

– *Соединимся же братски в патристическом национальном гимне: «Боже цось Польске!»* — воскликнул с одушевлением Жвирждовский [1, с. 399].

*Воины за свободу, имя и честь нашей отчизны стекаются со всех сторон под крылья белого орла*⁵ [1, с. 386].

*...задумала чрез его покровительство со временем доставить сыну место, где он мог быть полезен польской справе*⁶ [1, с. 383].

Как мы помним, польский вопрос был чрезвычайно актуален в России в момент написания романа, о нем говорила вся интеллигенция страны. Поэтому помимо описываемых выше

прецедентных понятий писатель успешно вводит в текст широко известные в Российской империи имена реальных исторических личностей польского происхождения. См.:

*Так изволите видеть, она всякой неправдой забирала чужие земли, а на поляках хотела отомстить за то, что они были некогда господами русского государства, да и в цари был выбран самими русскими польский королевич Владислава*⁷ [1, с. 459].

*Этот вестник был капитан генерального штаба Людвиг Жвирждовский*⁸ [1, с. 385].

– *Наши главный вождь, Мерославский*⁹, хотя и не такой великий гений, но умный, храбрый воин, испытанный стратегик [1, с. 401].

*Оружие доставляют нам Чарторижские*¹⁰ и *Замойские*: монастыри мужские и женские будут тайными складами этого оружия; от польских комитетов в Париже и Лондоне получаем деньги [1, с. 403].

*Отряды Сераковского*¹¹ со всех сторон подступают и берут Вильно [1, с. 407].

*Правда, польский генерал Дембинский*¹², увидев нас в этом положении, очень сердился на отрядного

⁴ Речь идет о польской католической религиозной песни *Boże, coś Polskę...*, которая в 1918 году после получения Польшей независимости претендовала на роль государственного гимна страны.

⁵ На гербе Польши изображен белый орел в золотой короне с золотыми когтями и клювом.

⁶ Речь о борьбе поляков за независимость.

⁷ Речь о Владиславе IV Вазе, короле польском и великом князе литовском.

⁸ Речь о реальном участнике Польского восстания под псевдонимом «Топорь», который в 1864 году как политический преступник по суду был лишен прав состояния; имущество конфисковано в казну.

⁹ Речь о Людвиге Мерославском, польском революционере и военачальнике, участнике Восстания 1863 года.

¹⁰ Речь о княжеском роде Чарторыйских, которые боролись за независимость Польши, но занимали высокие посты в государственной и политической жизни Российской империи.

¹¹ Речь о капитане русского Генерального штаба Сигизмунде Игнатъевиче Сераковском, участнике восстания 1863–1864 годов.

¹² Речь о Генрихе Дембинском, одном из предводителей польского восстания 1830 года.

начальника, выдал ему деньги и велел нас одеть и накормить получше [1, с. 495].

*Не с бродячими шайками повстанцев имели тогда дело русские, не с какими-нибудь Мерославскими, Жвирждовскими и Машевскими*¹²! [1, с. 595].

Неправильная, часто с ошибками макароническая речь помогает писателю сделать акцент на польском происхождении персонажа. Отдельные заимствованные слова вплетены в высказывание, помогая читателю «услышать» польский акцент. См.:

– *А як я добродзея спокоила и жаловала, и як он негжечно отплатил мне за то вишстко, Пан Буг с ним!* [1, с. 381].

Пониманию текста способствует употребление составных конструкций, в которых польская часть органично переплетается с понятной читателю русской частью. См.:

– *Сами не спали, да и мне не дали порядком отдохнуть, после того охфицера, чтоб ему диаблы на дроги. Ходит украдкой по ночам, як злодей* [1, с. 389].

В тексте романа представлены и отдельные морфологические формы и синтаксические конструкции, соотносящиеся с польским языком: до (польск. do) + род. п.:

– *Это до меня не касается, вероятно, брата моего; где он, что с ним, вы, должно быть, лучше меня знаете. Это может касаться до многих поляков, поднявших оружие против России* [1, с. 445].

Оригинального текста на польском языке в романе нет, но это не мешает автору постоянно подчерки-

вать то, что герои «говорят на польском». При этом прямая речь обычно приводится без иноязычных вкраплений, экзотизмов, регионализмов и проч. Подобного рода авторские ремарки выполняют функцию придания повествованию локального колорита. Ср.:

Чтобы избавить читателя от затруднения разбирать письма и разговоры на польском языке, буду передавать их в русском переводе [1, с. 386].

– *Кто едет? — закричал по-польски громовый голос* [1, с. 609].

– *Господа, — сказал Левенмауль по-польски, высунув голову из окна, — пощадите больного, умирающего* [1, с. 609].

Полонизмы позволяют читателю ощутить подлинность описываемых событий и героев.

Характерологической функцией не ограничивается использование полонизмов в романе. Они нередко включаются в иронический контекст, при этом И.И. Лажечников на страницах своего романа вступает с читателем в своеобразную языковую игру. На первый взгляд, может показаться, что в текст закрались некоторые досадные неточности, но если учитывать общественный и исторический контекст создания произведения, то его текст воспринимается совсем с другой стороны. Рассмотрим, например, отсылку к первой строчке «Мазурки Домбровского» — гимна Польши «*Jeszcze Polska nie zginęła...*». Слова героини в связи с ней приведены в искаженном виде: строка «Польша еще не погибла» передается как «Польша еще не сгни-

¹² Речь о штабс-капитане армии Российской империи Владиславе-Михаиле Рамуальдовиче Машевском, участнике польского восстания 1863–1864 гг.

ла». Это не столько намеренная ошибка автора, сколько отражение его отношения к замыслу Едвиги Стабровской:

– *Любезный сын! Хвала Папу Иезузу, Польша еще не сгнила!* [1, с. 386].

Вызывает интерес и употребление выражения «коронные земли». Логично было бы предположить, что земли польской короны могут быть названы «коронными землями», но в русском языке «коронными землями», или «коронными владениями», традиционно назывались расположенные в Западной Европе островные владения британской короны, которые формально не входят в состав Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, но и не являются при этом его заморскими территориями. Возможно, в этом случае писатель косвенно намекает на имперские амбиции поляков. См.:

Позднее панцирные бояре составляли почетную стражу польских крулей, когда они выезжали на границы своих коронных земель [1, с. 371].

Самыми интересными гипокористиками, для которых в тексте отсутствуют производящие существительные, являются формы транскрибированного польского слова *najjaśniejszy*, которое является предписанным этикетом способом титулования прави-

теля (*nakazany etykieta sposób tytułowania władcy*) [Słownik języka polskiego PWN]. И если в отдельных случаях И.И. Лажечников употребляет полонизм правильно (см., например,

Гордый, не зная почему, своим панцирным боярством и разве тем, что предок его держал стрема у одного из польских королей и удостоился приветливых слов наияснейшего, он стремился дорваться, во что бы то ни стало, в архивных мусорах до утраченной дворянской короны [1, с. 499]).

то в тексте встречаются и контексты, в которых автор намеренно искажает форму заимствования таким образом, чтобы его смысл изменился на противоположный, отражая тем самым отношение писателя к польскому вопросу. См.:

Встретить и проводить неяснейшего, вот в чем состояла вся их служба — не тяжёлая и не опасная [1, с. 371].

Введенные в текст полонизмы, с одной стороны, являются зеркалом национальной культуры поляков, позволяют читателю приблизиться к пониманию их культуры и быта, с другой стороны, выражают оценки автора. Таким образом, в романе «Внучка панцирного боярина» совмещаются характерологическая, экспрессивная и оценочная функции полонизмов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лажечников, И.И.* Внучка панцирного боярина // Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 1, М.: Можайск-Терра, 1994. С. 351–667.
2. *Огиенко, И.И.* Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский литературный язык. Киев: тип. В.П. Бондаренко и П.Ф. Гнездовского, 1915. 136 с.

3. Тамань, В.М. К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. 202 с.
4. Нецименко, Г.П. Заимствования как проявление культурно-языковых контактов и их функционирование в языке-реципиенте // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М.: Наука, 2002. С. 121–151.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.
6. Witkowski, W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim, Kraków: Universitas, 2006, 253 p.
7. Крылов, Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб: Виктория плюс, 2017. 432 с.
8. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.
9. Słownik języka polskiego PWN. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2015. 1360 s.
10. Смирнов, Ю.И. Польская тема в русском фольклоре // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М.: Наука, 2002. С. 262–279.
11. Габдреева, Н.В., Агеева, А.В., Тимиргалеева, А.Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: монография. М.: ФЛИНТА, 2014. 328 с.
12. Толстая, С.М. Русская ЧЕСТЬ и польский HONOR // Etnolingwistyka. 2013. № 25. С. 9–21.
13. Золтан, А. К истории слова пуля в русском языке. // Studia russica. Будапешт. 1979. № II. С. 20–30.
14. Ананьева, Н.Е. О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В.Г. Короленко). // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 13–26.

REFERENCES

1. Ananeva N.E. O polskom yazyke v proizvedeniyakh russkoi literatury XIX veka (na primere tvorchestva V.G. Korolenko), *Slavyanskii vestnik*, Vol. 2. Moscow, MAKS Press, 2004, pp. 13–26. (in Russian)
2. Gabdreeva N.V., Ageeva A.V., Timirgaleeva, A.R. *Inoyazychnaya leksika v russkom yazyke noveishego perioda: monografiya*. Moscow, FLINTA, 2014, 328 p. (in Russian)
3. Krylov G.A. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka*. Saint Petersburg: Viktoriya plyus, 2017, 432 p. (in Russian)
4. Lazhechnikov I.I. “Vnuchka pantsirnogo boyarina”, *Sobranie sochinenii. V 6 tomakh. Vol. 1*. Moscow, Mozhaik-Terra, 1994, pp. 351–667. (in Russian)
5. Mechkovskaya N.B. *Sotsialnaya lingvistika*. Moscow, Aspekt Press, 2000, 207 p. (in Russian)
6. Neshchimenko G.P. Zaimstvovaniya kak proyavlenie kulturno-yazykovykh kontaktov i ikh funktsionirovaniye v yazyke-retsipiente. *Vstrechi etnicheskikh kultur v zerkale yazyka: (v sopostavitelnom lingvokulturnom aspekte)*. Moscow, Nauka, 2002, pp. 121–151. (in Russian)
7. Ogienko I.I. *Inozemnye elementy v russkom yazyke. Istoriya proniknoveniya zaimstvovannykh slov v russkii literaturnyi yazyk*. Kievn tipografiya V.P. Bondarenko i P.F. Gnezdovskogo, 1915, 136 p. (in Russian)
8. *Słownik języka polskiego PWN*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2015, 1360 p. (in Polish)
9. Smirnov Yu.I. “Polskaya tema v russkom folklore”, in: *Vstrechi etnicheskikh kultur v zerkale yazyka: (v sopostavitelnom lingvokulturnom aspekte)*. Moscow, Nauka, 2002, pp. 262–279. (in Russian)

10. Taman V.M. K voprosu o polskom vliyanii na literaturnyi yazyk Moskovskoi Rusi, in: *Nachalniy etap formirovaniya russkogo natsionalnogo yazyka*. Leningrad, 1961, 202 p. (in Russian)
11. Tolstaya S.M. Russkaya CHEST i polskii HONOR, *Etnolingwistyka*, 2013, No. 25, pp. 9–21. (in Russian)
12. Vasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka: in 4 Vol.* Moscow, Progress, 1986–1987. (in Russian)
13. Witkowski W. *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Kraków, Universitas, 2006, 253 p. (in Russian)
14. Zoltan A. K istorii slova pulya v russkom yazyke, *Studia russica*, Budapest, 1979, No. II, pp. 20–30. (in Russian)

Николина Наталия Анатольевна, кандидат филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет, ruskafedra314@gmail.com

Nikolina N.A., PhD in Philology, Professor, Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, ruskafedra314@gmail.com

Уразбекова Алина Айжарыковна, ведущий специалист-эксперт, Российский центр науки и культуры в Будапеште, Венгрия, alina.urazbekova@yandex.ru

Urazbekova A.A., Chief Expert, Russian Centre for Science and Culture, Budapest, Hungary, alina.urazbekova@yandex.ru